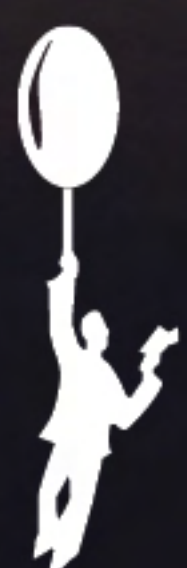

Николай Куценко

Рубашка

издательский дом
ФЛЮИД
FreeFly

НИКОЛАЙ КУЦЕНКО

РУБАШКА

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6
К95

Куценко Н.

К95 Рубашка. Роман. — М.: ИД «Флюид ФриФлай», 2018. — 184 с.

Любовь, страсть, измены, убийства и раскаяние — все это вы встретите на страницах новой книги Николая Куценко. История студенческой любви, вокруг которой разворачивается лихо закрученный детективный сюжет, постепенно перерастает в повествование о поисках героем веры и своего истинного призвания. При этом «Рубашка» захватывает с первых страниц и не отпускает до конца — и благодаря прихотливым, непредсказуемым поворотам сюжета, и за счет глубокого психологизма, высвечивающего драматизм человеческих отношений. Автор очень тонко показывает ту грань между злом и добром, за пределы которой, преследуя личные мотивы, выходят его герои, и к чему это в конце концов их приводит...

ISBN 978-5-906827-42-5

© Николай Куценко, 2018

© ИД «Флюид ФриФлай», 2018

*Выражаю глубокую благодарность Анастасии Зайцевой,
другу и замечательному писателю, за то, что она была
моим первым редактором и критиком*

ЗАЩИТА

— Максим, зайдите ко мне на минутку, — шепнул пожилой профессор, хлопнув сзади по плечу молодого аспиранта.

Тот от неожиданности шагнул вперед, но сразу же остановился и повернулся к профессору.

— Да не бойтесь вы, Максим! Неужели я так вас напугал?

Седая мохнатая голова завкафедрой, тонкого и высокого как жердь, напоминала растрепанную метелку, вымазанную в белой краске, но в голубых глазах сквозила какая-то детская невинность и бояться его было бы, мягко говоря, несерьезно.

Сам же аспирант, среднего роста, худой, с темными ровными волосами и аккуратной челкой, с четко очерченным лицом, ярко выраженными скулами, острым подбородком, а главное — крупными карими глазами, выделялся редкой красотой среди студентов геофака, в большинстве своем серых и незаметных.

— А, это вы, Иван Денисович! Извините, просто задумался, — оправдываясь, промямлил Максим и зачем-то первым протянул профессору руку.

Профессор немного опешил, но сразу руку его пожал.

— Вы что вспотели-то весь? Нервничаете? — поинтересовался Иван Денисович монотонно, будто пытаясь загипнотизировать молодого аспиранта. При этом профессор слегка припод-

нял уже освободившуюся правую руку и махал ею в воздухе, словно дирижер на концерте.

— Есть немного. Защита все-таки,— ответил аспирант и тыльной стороной ладони вытер лоб, на котором блестели капельки пота.

— Так сейчас-то что нервничать?! — удивленно спросил профессор. — Сейчас-то чего? Это раньше надо было. А так-то уже всё! Мы же вас на защиту не просто так выпустили...

— В каком смысле? — все еще не понимал Максим. — Что вы хотите сказать?

— Ладно-ладно, хватит. Зайдите-ка ко мне на минутку, — махнул профессор уже левой рукой, будто не приглашая его в кабинет, а отгоняя муху.

Иван Денисович тихо толкнул дверь и исчез в темной комнате. Максим последовал за ним.

Ему и раньше приходилось бывать в кабинете заведующего кафедрой геофизики, но обычно в присутствии своего научного руководителя и других аспирантов. А вот чтобы один на один — такого еще не было. Профессор не стал включать верхний свет, а зажег лишь настольную лампу. В комнате от этого стало уютно: приглушенный свет создавал доверчивую, располагающую атмосферу.

Профессор уже сидел за столом и медленно перебирал бумаги, словно планировал раскрыть Максиму какой-то тайный план.

— Слушаю, — почему-то шепотом сказал Максим и почувствовал неуместность произнесенного слова.

Профессор тоже слегка удивился, нахмурился, но почти сразу заговорил:

— Хорошо, что слушаете. Вам сейчас это будет необходимо... — Он сделал небольшую паузу. — Так вот, я хочу, чтобы вы остались на кафедре. Преподавателем! Как вам такое предложение?

Максиму показалось, что голубые глаза профессора неестественно ярко заблестели.

От услышанного аспирант слегка опешил, но быстро обрел равновесие и даже вытянулся, словно пионер на собрании отряда.

Максим не знал, как реагировать: сразу отказаться он не мог, ведь было ясно, что от его решения зависит судьба сегодняшней защиты, но и согласиться тоже не мог: он уже подал заявление в НИИ, где планировал возглавить лабораторию. И преподавательская карьера в университете не выдерживала никакого сравнения с этим.

— Смотрите, что-то вы опять испуганы, — тихим голосом продолжил профессор, так же монотонно, как и раньше. Его тонкие длинные пальцы вертели карандаш, иногда крепко его сжимая. — Так вот, не надо ничего бояться! Это же для вас реальный шанс построить научную карьеру!

— Спасибо, Иван Денисович, я совсем не боюсь, но... — Тут Максим закашлялся, не зная, что сказать дальше. — Это очень неожиданно все... как-то...

— Я с вашим руководителем поговорил уже — он не против! Так что решайтесь, Максим, ей-богу. Чего тут думать? — Профессор тряхнул мохнатой головой.

Тон профессора стал меняться, и в его голосе появились нехарактерные звонкие нотки. Максим занервничал:

— Мне бы с супругой поговорить, а то без нее...

— Понимаю, вопрос серьезный. Сколько вам надо времени?

— Вечером решим, — задумчиво ответил Максим, глядя в окно. — Думаю, вечера нам хватит.

Профессор громко вздохнул. Чистые голубые глаза его стали грустными и печальными. Он положил карандаш на стол и подошел к окну.

— Знаете, Максим... — В голосе профессора появились чуть ли не нежные интонации. — Вы мне чем-то меня самого напоминаете, лет этак сорок назад. Амбициозный, умный, страстный, если хотите... Но неопределенный. Просто жуть какой неопределенный.

— Так ведь... — стал оправдываться Максим.

— Да-да, неопределенный. Это наш с вами общий минус. Но с годами пройдет, поверьте. В общем, так! Сейчас на защиту, после — отмечайте, а завтра — я жду вашего решения. И надеюсь, оно будет исключительно положительным!

— Да-да, конечно, — отвечал Максим, осторожно пятясь к двери.

— Удачи!

Профессор все еще смотрел в окно и не спешил оборачиваться к собеседнику.

— Спасибо, профессор, а вы сами-то подойдете?

— Ближе к концу. У меня тут дела еще... — Он выдержал небольшую паузу и наконец обернулся: — И да! Поздравляю вас еще раз!

— Спасибо, — неловко ответил Максим и опустил глаза.

Он спиной открыл дверь, развернулся и быстрыми шагами направился по коридору в сторону далекой аудитории, где к этому моменту уже должен был собраться весь ученый совет. Некоторые из участников еще стояли у входа, переговариваясь и не спеша занять свои места.

Он почти пробежал мимо нескольких дверей, вдоль длинных пустых стен, как вдруг услышал знакомый женский голос:

— Макс, стой!

Он остановился. Непонятно было, откуда она тут появилась. Рыжая, худая, высокая. Она была в кружевных колготках, темном обтягивающем платье и красных глянцевых туфлях. Тонкий, чуть неправильной формы нос. На белой груди весело расцветало ожерелье из мелких ракушек.

— Аня? Ты что тут делаешь? — испуганно проговорил он. — Ты зачем пришла?

Она быстро и молча приблизилась к нему и, приобняв, попыталась поцеловать. Но он резко отвернулся:

— Ты что, сдурела? Нас увидят! — буркнул Максим, оглядываясь в сторону аудитории.

— Ну и пусть! Разве страшно?

Макс, сильнее, чем обычно, сжал ее руку и увлек Аню к лестнице. Они спустились на несколько ступенек.

— Ты что, с ума сошла? — прошептал он. — У меня же защита!

— И что? Я, может быть, как раз на нее и пришла! — нагло ответила Аня и вырвала руку. — Я тоже аспирантка, между прочим!

— Ты же знаешь, что там моя жена будет?! В конце-то концов!

Она внезапно обняла его и поцеловала. Ее немного соленые на вкус губы прижались к его губам, а руки обхватили Макса так, что он уже и не пытался вырваться. А через мгновение — и не хотел. Ему вдруг стало тепло и спокойно. Вкус ее губ заставил его сразу расслабиться и вместе с тем придал уверенности в себе.

— Ну, хватит, — прошептал он нежно, — пожалуйста, ты же знаешь... Ну, хватит.

Она отпустила его и исчезла так же внезапно, как и появилась.

— Куда? — протянул ей вслед Максим, но ответа не услышал.

Она часто делала так: внезапно появлялась и столь же внезапно исчезала. Наверное, ее непредсказуемость, безумство и безрассудность и делали Максима перед ней безоружным.

Он даже не знал — любит ли ее, но знал, что зависит от нее. Знал, что ни дня не может прожить, не думая о ней. И это при том, что полгода назад женился. Тоже, впрочем, назло ей, Ане. Надеялся, что молодая жена поможет ему преодолеть эту тяжкую зависимость, эту болезнь, с которой он не мог справиться уже несколько лет. Ровно с того дня, как увидел Аню.

Но тут его окликнул знакомый голос:

— Максим, ну где же вы бродите?! Мы устали ждать!

Максим обернулся. Перед ним стоял его научный руководитель — пожилой, подтянутый, почти совсем седой профессор с худым и строгим лицом. Его серый выцветший костюм и застиранная рубашка вызывали у Максима чувство, близкое к брезгливости, и одновременно жалость к профессору. Он всю жизнь проработал на кафедре и подготовил с десяток, а может и больше, кандидатов. Но Максим никогда не видел профессора в другом костюме и знал, что тот живет очень скромно. Он даже один раз был у него дома, после чего как раз твердо и решил: ни за что не оставаться на кафедре. А идти куда угодно,

лишь бы заработать денег и не впасть в подобную беззащитную бедность.

— Извините, Владимир Андреевич! Я тут просто задумался... — неуверенно и как-то совсем по-детски стал оправдываться Макс. — Уже иду.

— Давайте, хватит дурака валять. Совет ждет!

Макс вошел в аудиторию. Все места были заняты преподавателями и членами совета. На одном из стульев у стены скромно, потупив глаза, сидела его жена Маша. На вошедшего Макса она даже не взглянула.

Сейчас ему казалось, она все чувствует, все знает, но не хочет в этом окончательно признаться, дабы не разрушить их и без того хрупкий союз. Тонкое нежное лицо, черные и густые волнистые волосы, белая и ухоженная кожа, большие зеленые глаза выгодно выделяли ее на фоне всех остальных, пусть и немногих, присутствующих женщин. Она была миниатюрна и удивительно хорошо сложена. Не худая и не полная, с небольшим бюстом и тонкой талией, с красивыми коленками и аппетитными бедрами.

«А ведь она очень красивая. За что же я с ней так?! — подумал Макс, сильно, до боли, сжав пальцы в кулак. — Несчастный добрый человек, который меня любит!»

Маша как раз посмотрела на него и улыбнулась. Ее глаза блеснули от падающих в аудиторию лучей солнца. Она ему едва заметно кивнула, и он окончательно успокоился.

— Начинайте! — услышал он голос ученого секретаря. Резкий и неприятный.

И он начал.

АНЯ

Стол накрыли в главном кабинете кафедры.

Приглашенная профессура и несколько знакомых аспирантов заняли почти все места, оставив два свободных — для защитившегося и заведующего кафедрой. Так полагалось: только что испеченный кандидат наук должен сидеть напротив главного человека кафедры. Это было давней традицией.

Маша со своей подругой заканчивали сервировку стола — раскладывали приборы рядом с тарелками. Максим открывал бутылки с вином и расставлял их по центру стола в небольшие группы по три-четыре штуки. Приятель-аспирант раздал всем пластиковые стаканчики, наспех купленные в соседнем магазине.

— Уберите это... — сказал вошедший в комнату Иван Денисович, указывая на пластиковые стаканы. — Что уж мы, фужеров не найдем ради такого дела?! Ведь какой человек защитился! — Он подошел к Максиму, приобнял его за плечи и продолжил: — Можно сказать — наша новая звезда! Будущий профессор кафедры!

Все засмеялись, а Максим смутился и опустил глаза. Ему было неловко: он-то знал, к чему клонит завкафедрой, и это как раз никак не входило в планы молодого кандидата.

— Да ладно вам, Иван Денисович, смущать его! — привстал научный руководитель Максима, наклонился над столом и по-

пытался наколоть на вилку маринованный огурец. — Он и так сегодня перенервничал. Сами понимаете — защита! Такое раз в жизни бывает!

— Да он у нас и докторскую скоро защитит! — ответил Иван Денисович и взял свой бокал с вином. — Но не спорю с вами, Владимир Андреевич. Ваш аспирант молодец, большое дело сделал!

Максим стоял неподвижно и смотрел на Ивана Денисовича. Тот продолжал о чем-то рассуждать, медленно шевеля губами. Белая и седая голова профессора теперь напоминала запутанный клубок ниток, а тонкие, длинные и костлявые пальцы вызывали какое-то странное чувство. Словно профессор был вовсе не человеком, а персонажем из древних немецких сказок про магов и волшебников. Голова Ивана Денисовича слегка покачивалась то вправо, то влево, словно маятник, убаюкивая Максима.

Максим внезапно понял, что сильно устал, ослабел и уже не в силах слушать профессора, чье монотонное мычание повергло его в состояние легкой дремы, едва ли не прострации. И вдруг он словно въяве вспомнил тот поход, когда впервые увидел Аню.

... Она была девушкой его лучшего друга, Сергея. Воспоминания захлестнули Максима, и всё столь зримо предстало перед ним, будто он опять попал в прошлое, на несколько лет назад. Профессор волшебным образом испарился, а перед глазами возник берег далекой сибирской реки. Той, куда они вместе ходили в поход.

— Стерва она! — неожиданно сказал Сергей и глубоко затянулся. — Мразь последняя!

— Кто? — не понял Максим.

Они сидели на обрывистом берегу реки, названия которой не помнили, и курили. Между ними лежала пачка болгарских сигарет с фильтром. На улице было ветрено и немного сыро, поэтому сигареты иногда гасли и их приходилось заново раскуривать.

— Аня, кто еще!

Сергей плюнул в сторону, словно говорил о чем-то неприличном и противном. Его глаза блестели от обиды и злости.

— А... я думал, что ты ее любишь, — тихо ответил Максим и попытался кинуть плоский камешек так, чтобы тот подпрыгнул, отразившись от водной глади и распугав всех водомеров.

— Люблю? Да еще как люблю! Ты даже себе не представляешь как, Макс!

— Ну, так и что?

Максим застегнул молнию на кожаной куртке, чтобы ветер не дул ему в шею, и поправил шерстяной вязаный шарф.

— Бросит она меня! Не интересен я ей! Понимаешь?

— С чего ты взял?! — все так же безучастно поддерживал беседу Максим.

Он наблюдал за водомеркой, плившей в сторону утонувшего камня, и пытался посчитать, сколько у нее ног.

— Я-то? Чувствую я, Макс. Нутром, если хочешь, чувствую. Недавно занимаемся мы с ней... этим самым... — Серега испуганно посмотрел по сторонам. — Ну, ты понял. А она смотрит в потолок и ничего не говорит. Словно кукла резиновая, как в фильмах показывают. Будто эмоций у нее нет никаких. Я ее спрашиваю, а она не отвечает мне ничего!

— Ну и что? — равнодушно спросил Максим и, взяв с земли камень, прицелился уже прямо в водомерку.

— А то, Макс, что как только я дошел до... до конца, в общем... ну, то есть почти дошел... несколько секунд еще, и кончу... — Тут Серега сделал паузу и зажал рот рукой, словно боясь говорить дальше.

— Да не стесняйся ты, говори как есть, — подбодрил его Максим. Ему было интересно, чем закончится история. — Я-то трепать не стану про твои любовные похождения.

— Ну так вот! Я уже того почти... — Сергей снова оглянулся по сторонам, как бы проверяя, не слушает ли кто его. — А она возьми да и толкни меня!

— В смысле? Как это — толкни? — насторожился Макс.

— Ну, оттолкнула и вскочила. Стоит и смотрит на меня. И улыбается как-то... презрительно! Я ей говорю: мол, ты что такое делаешь?

— Круто! А она чего? — оживился Макс. — Рассказывай давай!

— А она смотрит то на него... — Сергей быстрым жестом показал, куда именно она смотрит. — То на меня... А потом говорит...

— Что говорит? Не тяни... давай уже. — Макс кинул в сторону потухший бычок.

— Говорит: ты сам дальше, дорогой! Тебе совсем чуть-чуть осталось, я вижу.

— А ты что? Ну, сделал-то что?

— Что я мог сделать? Я уже еле терплю, ты пойми. Пришлось самому.

— А она что? — не унимался Макс.

— Стоит, смотрит на меня и смеется! Вот, собственно, и вся история...

Макс достал сигарету и прикурил. Затем протянул другу.

— Хочешь? А то последняя. На двоих дернем.

— Давай. — Сергей взял сигарету, затанулся и шмыгнул носом.

— Да уж. Ну и история... Да не бери в голову. В жизни много непонятных и странных вещей. Кто ее знает, что в этой рыжей голове бродит. И бродит ли вообще что-нибудь... У них, у баб этих, совсем другое понимание вещей.

— Тебе легко говорить. У тебя Машка — нормальная. А я потом ночь не спал, да и сейчас не по себе как-то.

— Да и пошли ты ее! Мало баб, что ли, вокруг? Зачем тебе такая вот... стерва!

Тут Сергей развернулся к другу, схватил его за рукав куртки и надрывно проскрипел, едва разжимая зубы:

— Ты пойми, Макс, не могу я! Знаю, что надо, но не могу! Сделать с собой ничего не могу. Меньше месяца встречаюсь с ней, а уже словно раб ее.

Макс отдернул свою руку. Вид друга его разочаровал и насторожил: Сергей был в растерянности и сильном унынии, он явно попал в полную зависимость от этой непонятной рыжей

девушки. А Макс презирал подобные отношения: ведь и других девушек вокруг полным-полно. Внезапно ему захотелось сменить тему, и тут же вспомнилось, что на днях он припрятал в одной из сумок бутылку водки. Проснулось резкое желание выпить: то ли от холодного зябкого ветра, то ли от грустной истории Сергея.

— Слушай, ты водки хочешь?! — оживившись, спросил Макс.

— Хочу, конечно. Спрашиваешь еще. Меня вон всего колотит!

— Только закуски нет. Может, ты у баб возьмешь? У Ани этой своей, рыжей? Должен же от нее хоть какой-то прок быть!

— Да ты что? Я не хочу, не могу... Я как-то... — Сергей вдруг привстал на корточки и замолчал, будто вспомнив что-то очень нехорошее. — Да и не даст она мне.

— Закуску? Или вообще не даст уже? — Максим засмеялся и хлопнул друга по плечу. — Ладно, я сам. Ты тогда хотя бы за тарой сбегай, не из бутылки же нам пить. А я попробую что-нибудь раздобыть.

— По рукам, — весело сказал Сергей и вмиг куда-то исчез.

Макс посидел с минуту в одиночестве. Бросил в реку еще несколько камешков, безуспешно пытаясь утопить хоть одну водомерку, и побрел в сторону женского лагеря.

Девушки жили в палатках, в некотором отдалении от мужского лагеря. Преподаватели сделали это специально: не хотели провоцировать обе стороны на нежелательные ночные встречи, что, впрочем, мало помогало: каждую ночь то одни, то другие бежали друг к другу. Но официально все меры предосторожности были приняты. Макс спустился к реке и пошел вдоль берега. Идти надо было метров пятьсот — шестьсот.

Аню он несколько раз видел и в том, что сможет ее узнать, нисколько не сомневался. Нельзя сказать, чтобы она ему совсем не нравилась, но и сильных эмоций по ее поводу он не испытывал. Тем более что она была девушкой лучшего друга, хотя и совсем недолго. Да и вообще, Максим мало интересовался чужими девушками. У него была своя, Маша, с которой он начал встречаться больше года назад, совершенно внезапно для себя. И Маша устраивала его во всем. По крайней мере, она не

была обузой, то есть препятствием к его дальнейшей карьере. И главное, приняла условие Максима: никакой свадьбы и детей, пока он не решит сам!

Макс подошел к ближайшей к реке палатке. Из нее доносились женские голоса, кто-то громко смеялся. Он заглянул внутрь. Из глубины палатки на него уставились испуганные глаза молодой бледной девушки, лицо у нее было рябое и некрасивое, все в веснушках. Рядом с ней сидела темненькая симпатичная подруга и курила неумело забитый косяк.

— Тебе чего?! — испуганно взвизгнула девушка.

— Не чего, а кого, — спокойно ответил Максим.

— Ну, кого?

— Аню где искать? Рыжую!

— Какую еще Аню? — все еще нервно переспросила рябая.

— У вас их тут что, сто штук? Не тупи уже. Сказал же, рыжую!

— В самой крайней палатке найдешь свою Аню, — пропела темненькая, восточного вида девушка, затягиваясь травой. — В том гробу твоя невеста.

Макс не выдержал и засмеялся.

— Вот накрыло ее, — кивнул он в сторону темненькой, — забойная у вас трава, девушки! Повезло!

— А хочешь с нами? — спросила рябая и неловко улыбнулась.

— Да ну вас.

Он высунулся наружу и взглядом стал искать крайнюю к лесу палатку. Она оказалась немного меньше других по размеру, но зато самой новой и почти совсем не потрепанной. Максим быстро направился в ее сторону.

— Можно? — спросил он, приподняв полог.

— Можно, — сухо ответила Аня, даже не бросив взгляда в его сторону.

— Я — Максим, друг Сергея, мы как-то встречались... — сказал он тихо и немного настороженно.

Аня повернулась к нему. Внимательно осмотрела и почти нежно улыбнулась. На ее щеках проступил румянец, а в глазах появился приятный манящий блеск.

— Максим? — спросила она, уже без тени растерянности. — Так заходи. Чего встал-то на пороге?

— Я недолго только, а то меня ждут там, — неуверенно ответил он.

И тут Максим посмотрел на Анины ноги. Они были длинными и худыми. Она согнула их в коленках и обняла руками. Рыжие волосы падали на эти самые коленки, обтянутые темными джинсами. Лицо казалось немного вытянутым, а большие карие глаза смотрели на него не моргая.

— Ноги мои понравились? — внезапно спросила Аня и улыбнулась.

— Чего?! — вздрогнул Максим. — Какие еще ноги?

— Ладно, не стой на пороге. Холода только напустишь. Пролезай!

Макс повиновался. Вопросом про ноги она буквально положила его на лопатки: он сразу стушевался, растерялся и не знал уже, как вести себя дальше.

— Садись рядом, теплее будет. — Аня потянула Макса за рукав куртки. — Ну, садись уже!

— Я недолго только, — повторил он, но тут же сел напротив Ани. Их коленки почти касались.

— Ну, расскажи о себе, мы толком-то и не общались с тобой.

— А что рассказывать? Нечего особо тут рассказывать. Студент геофака. Второго курса.

— Лучший студент, я слышала!

— От кого слышала? — удивился Максим.

Аня не ответила, но, взглянув ему прямо в глаза, продолжила:

— Красивый ты. Стройный такой, утонченный! — Она отвела глаза в сторону. — И умный, наверное? Даже не сомневаюсь!

— Я вообще-то за закуской пришел, — прокашлялся Макс, посмотрев в сторону выхода.

— За какой еще закуской? Вот за этой?

Она откуда-то вытащила банку тушенки и тут же спрятала за спиной.

Макс вдруг сразу почувствовал голод. И вспомнил, что не ел с самого утра. В животе у него заурчало.

— За любой! Сергей попросил, — зачем-то соврал Макс и опустил глаза.

— Сомневаюсь, что он мог что-то просить. — Она отодвинула банку подальше за собой. — А ты заведи ее у меня! Закуску-то! Раз такой голодный.

— Чего? — не сразу понял Макс, пожал плечами и опустил глаза.

Он был в каком-то трансе и не мог понять, что делать дальше. Про закуску он уже не думал, ему надо было найти себя, снова стать собой, уверенным и равнодушным. А главное, безразличным ко всему. И — уйти отсюда. Он понимал: что-то пошло не так, совсем не так. Девушка его лучшего друга заигрывает с ним, а сам лучший друг ждет его у реки.

— Ну, иди ко мне, — вдруг сказала Аня, прикоснулась кончиками пальцев к щекам Максима, резко притянула его к себе и нежно поцеловала в губы.

Он молчал и не сопротивлялся.

Словно распробовав вкус его губ, Аня снова поцеловала его, на этот раз уже страстно и долго, прижимаясь к нему всем телом. Максим начал возбуждаться... Внезапно Аня положила свою ладонь между ног Максима и стала водить ею вверх-вниз. Ее длинные пальцы то сжимали его джинсы, то так же внезапно отпускали. Через несколько секунд Макс понял: еще чуть-чуть, и он не сможет больше терпеть. Он обнял Аню, стал целовать, пытаясь сообразить, как половчее стянуть с нее джинсы. Она же, в свою очередь, гладила его ладонью все быстрее и сильнее, не останавливаясь.

Макс с трудом сдерживался: одной рукой он обнимал Аню, другой неумело пытался стащить джинсы с ее узких бедер. Но не выдержал, застонал и почувствовал, как его джинсы стали влажными и липкими. Возбуждение сразу ушло. Взгляд помутнел, а перед глазами повисла пелена. Он ощутил приятный сладковатый вкус во рту и совсем обмяк. Сел на землю и тупо уставился на Аню. Она все так же нежно улыбалась. В правой руке у нее была банка с тушенкой.

— Ты, кажется, за этим пришел? — спросила она.

— Да, — неуверенно сказал Макс, пытаясь вернуться в реальность.

— За закуской?!

— За закуской?

— Так кто лучше знает, ты или я? — Она громко и как-то резко засмеялась. — Или ты уже не голоден?!

Аня взглядом указала на штаны Макса. На них красовалось большое темное пятно, прямо между ног.

Он ничего не сказал, лишь кивнул в ответ, выполз из палатки и направился к берегу реки.

— Чао, — слышалось за спиной...

Внезапно Макс услышал чей-то знакомый голос.

— За нового кандидата наук! — прокричал Иван Денисович. — За вас, мой друг!

В правой руке Максима был бокал с вином, в левой — локоть Маши. Она молча стояла рядом и подливала всем вино в протянутые бокалы. Ее грустные зеленые глаза слегка повеселели.

— За кандидата! — закричали все присутствующие.

— За кандидата, — прошептала Маша и поцеловала Максима в щеку.

— За кандидата... — тихо повторил он и посмотрел себе между ног, боясь увидеть темное пятно.

РОДИТЕЛИ

Дверь квартиры захлопнулась, и Максим с Машей оказались в темном, заставленном вещами коридоре. В одной из комнат горел свет настольной лампы, немного освещая пространство квартиры. Макс бросил портфель на пол и стал неуклюже снимать пальто, пытаясь расстегнуть пуговицы озябшими руками. Но они не поддавались. Нервный день и долгое отмечание защиты не оставили никаких сил. Макс с трудом шевелился.

Маша стала одной рукой стягивать с него пальто, другой — собирать книги, выпавшие на пол из портфеля. В темноте что-то сначала зашевелилось, потом послышался шепот, а после загорелся свет. Из самой большой комнаты выскочила Машина мама, Зинаида Ивановна, несясь по коридору так, что скрипел старый паркет, и кинулась обнимать Максима тяжелыми пухлыми руками.

— Поздравляем! — кричала она. — Поздравляем, Максимка!

За ней следовал худой невысокий человек. Это был отец Маши, Андрей Петрович, уже немного лысоватый, но все еще сохранивший строгие черты лица и выправку в теле. Он рано, в звании майора, ушел на пенсию, но по дому почему-то до сих пор часто ходил в военной рубашке и брюках. Вот и сегодня он вышел почти в полном военном обмундировании. Не хватало, пожалуй, только фуражки.

— Поздравляю, Максим! — подошел он к зятю и, слегка приобняв, пожал руку. — Наша гордость, так сказать!

— Спасибо, — еле выдавил из себя Максим, с трудом держась на ногах.

— Устал он, спать ему надо! — вступилась за мужа Маша.

Она подлезла под правую руку Максима и придерживала его, помогая передвигаться по квартире.

— Я нормально, умыться бы, — с большей уверенностью сказал Максим и направился в сторону ванной. — Сейчас я... — Он тяжело вздохнул. — Приду в себя только.

Максим зашел в ванную вместе с Машей и захлопнул дверь.

— Пусть душ примет! — прокричала Зинаида Ивановна из коридора. — Ему легче будет!

— Примет, примет! Только оставьте его в покое, — ответила Маша звонким голосом.

Минут через пятнадцать Максим с Машей вышли из ванной. Приняв душ, он выглядел довольно свежо. На нем была выглаженная новая рубашка с накрахмаленным воротничком и крупными перламутровыми пуговицами.

Максим сиял от радости.

— Зинаида Ивановна, неужели вы купили? — ткнув себя в грудь, спросил он.

Зинаида Ивановна, полная женщина с добрым лицом и кудрявыми, хотя и редкими русыми волосами, засмущалась и, опустив глаза, ответила:

— Я, Максим. Подарок тебе к защите! От нас с Андреем Петровичем.

— Да где ж вы ее нашли-то? Они после развала Союза исчезли вместе с «Березками».

— В ГУМе есть одно местечко, я тебе как-нибудь покажу. Прямо на втором этаже, за кассой. Я там иногда Андрею Петровичу рубашки покупаю на большие праздники.

— Когда такое было?! — вмешался в разговор Андрей Петрович. — Один раз в жизни, может, и купила! В ГУМе она мужу рубахи покупает?! Тьфу! Не смешила бы!

Макс от удовольствия покрылся красными пятнами и не мог найти себе места. Рубашка радовала его сейчас больше полученной степени кандидата наук.

— Ну надо же! Я уже и не думал, что они появятся?! А тут бах — и в ГУМе!

Странную любовь Макса к рубашкам не мог объяснить никто — ни откуда она взялась, ни в какой момент появилась. Сколько себя помнил, он всегда искал белые, немного зауженные рубашки итальянских марок. У Макса их было уже несколько штук. Но каждая новая несказанно его радовала.

— Ну, за стол! — не выдержал Андрей Петрович, давно желавший выпить.

— Да ему бы... — начала Маша, но не успела закончить.

— Отдыхать на том свете будет! — по-военному приказал Андрей Петрович. — А сейчас — к столу! За такое дело грех не выпить!

Стол ломился от еды. Были тут и селедка под шубой, и оливье, и даже «мимоза», которую так любила Маша. Зинаида Ивановна знала, что зять с дочерью придут сытыми и пьяными, но ничего не могла с собой поделывать: готовить она любила с детства и помногу, хотя потом обычно разносила всю эту еду соседям, опасаясь, что испортится. Вот и сегодня готовила она с самого утра, наперед зная, что все равно вся ее стряпня останется на завтра.

Андрей Петрович быстро разлил водку и произнес тост:

— Ну, Макс, ты хоть человек у нас и не военный... — Тут он сделал паузу, но не успел продолжить.

— Опять про своих военных! — не выдержала Зинаида Ивановна.

— Не перебивай! Так вот, человек ты не военный, но очень толковый. И главное, целеустремленный. А это качество у нас в стране сегодня редкое! Особенно после развала великого государства! Так что выпьем за твой талант! А все эти кандидатские, докторские — дело наживное!

— Спасибо, Андрей Петрович, приятно! — чокнулся с тестем Максим и махом выпил стопку водки.

Тесть сразу разлил еще.

— Куда ты льешь-то? — возмутилась Зинаида Ивановна. — Дай человеку-то отдышаться. Все не напьется он своей водки.

— А ну цыц! У нас говорят: между первой и второй перебивчик небольшой.

— Ничего-ничего, — поддержал тестя Макс, — я нормально. Тост тоже хочу сказать.

Он встал и поднял свою рюмку на уровень глаз. Затем внимательно всех осмотрел и обнял Машу за плечо свободной рукой.

— За вас, дорогие родители! За вашу поддержку! В общем, без вас бы я ничего не добился!

Зинаида Ивановна шмыгнула носом и потеряла ладонью правый глаз. Затем окончательно прослезилась и, достав носовой платок, вытерла слезы.

— Мы всегда с тобой! Только скажи. Видишь, Зинаида тебе рубашку модную даже нашла. Всю Москву объездила!

Максим встал, подошел к теще и поцеловал ее в щеку.

— Спасибо, мама!

Зинаида Ивановна махнула рукой, покраснела и отвела взгляд в сторону.

— Да брось ты, Максим. Ерунда какая! Рубашек этих... тьма! Магазины ими забиты, — зачем-то соврала теща.

Сидели за столом до часа ночи, пока не выпили всю водку. А после — вино. Андрей Петрович вознамерился было сбежать за пивом, но уже раздраженная и хотевшая спать супруга его остановила. Потом разошлись. Маша с Максимом закрылись в своей комнате. Маша разделась и стала надевать ночную сорочку. Максим посмотрел на ее стройное упругое тело и подумал: «А ведь она так хороша собой. Ведь лучше этой Ани. Что же я так...»

Ему вдруг стало стыдно: за все измены жене, за неспособность порвать с этой Аней, за то, что предал друга. Он отвернулся к стене, накрылся одеялом и от досады прикусил свой кулак.

Маша, стоя у журнального столика, достала маленькую, вышитую бисером иконку в серебряном окладе и принялась тихо молиться. Она всегда так делала перед сном. Ее шепот убаюки-

вал Максима, погружал в легкую дрему; он еще не спал, но понимал, что уже не различает слов Маши. Внезапно перед ним опять появились картины из прошлого. Он увидел, как возвращается к себе в палатку с банкой тушенки...

— Ну что, достал? — спросил Сергей, потирая руки.

— Достал. — Максим протянул ему банку.

— Ну ты и долго! Я уж тут чуть водку не открыл без тебя. Какой-то ты бледный. Случилось чего?

— Да нет, нормально все. Налей лучше! Замерз я.

— По тебе видно. Руки вон дрожат, как у алкаша. А тушенку где достал?

— Да у одних там... — соврал Максим. — Сигареты им завтра принесу.

Сергей налил сразу серьезно, по полстакана, и бутылка водки наполовину опустела. Затем он ловко ножом открыл банку тушенки и вывалил ее содержимое на газету.

— Давай! За что только? — спросил Сергей.

— За... — Тут Максим задумался. — За... наверное...

— Не важно. После придумаем! В общем, будем!

И Сергей залпом осушил алюминиевую кружку.

Второй тост родился через несколько минут, и бутылка водки кончилась. Потом они весь вечер болтали и курили, наблюдая за тем, как на небе появляются первые звезды. Теплая алкогольная расслабленность растворила все мыслимые и немыслимые невзгоды. Им снова захотелось водки. У Сергея была заначка с деньгами. Так что спиртное можно было купить у знакомых однокурсников.

— У Вована есть, точно знаю! Сбежать? — предложил Сергей. — А завтра деревню будем проходить, купим!

— Ну сбегай к своему Вовану! — поддержал его Максим.

— Он такой же мой, как и твой, но водка у него есть! — ухмыльнулся Сергей. — Это я точно знаю!

Сергей исчез и через несколько минут вернулся с водкой. Одним мигом он наполнил стаканы. Закуски уже не было, поэтому решили запивать разбавленным «Зуко».

— А ты ее там видел? — вдруг спросил Сергей.

— Кого?

— Аню-то мою!

Слово «мою» неприятно покорило Максима, но он не подал виду.

— Не-а, не видел, — соврал Максим.

— Ох, Макс, не представляешь ты, какая это сука! Не представляешь!

Макс взял свой стакан, приподнял его и произнес тост:

— Ну так за любовь! — и крепко ударил своим стаканом стакан Сергея.

— За любовь, — тяжело выдохнул тот, — будь она неладна...

— Ты не зацикливайся, Серега! Вон сколько баб вокруг. И им тоже надо! Не меньше, чем твоей Ане.

— Да я же не поэтому. Я ж и впрямь люблю ее. По-настоящему.

— Ладно, забудь. Наливай, только себе больше, а то я пьяный уже!

— Хорошо! Мне сейчас надо, Макс! Ух как надо!

— Давай-давай, мне можешь вообще не лить уже.

Через полчаса Сергей заснул. Макс аккуратно укутал его в спальный мешок и вышел из палатки. Небо было усыпано звездами, а в реке отражался крупный, идеально ровный диск луны. Максим спустился к берегу и пошел в сторону женского лагеря.

СВАДЬБА

Загс находился в здании бывшего театра — старого, но все еще величественного и даже по-советски почтенного. Мощные гипсовые колонны, лестницы и пилястры из местами треснувшего мрамора, высокие потолки и просторные гулкие комнаты внушали бывшему советскому гражданину некоторый трепет и уважение к этому месту.

Родители Сергея настояли, чтобы молодые расписались именно тут, дабы их союз был отмечен каким-то знаковым, необычным местом, хотя Сергей с Аней предпочли бы что-нибудь посовременней и поближе к дому. Но родители были непреклонны. Для них место свершения свадебного обряда имело какой-то сакральный тайный смысл. Неведомый современной молодежи. Чем старее и значимее место, тем крепче брак, — так считали родители Сергея.

— Горько! — взревела толпа.

Сергей, слегка наклонившись, неумело нашел губы Ани и робко их поцеловал. От напряжения и какой-то скованности его руки задрожали, а лицо побелело, сливаясь с цветом мрамора. На мгновение даже показалось, что ему стало нехорошо.

Гости, как это принято, начали громко считать, но на цифре «пять» Аня неожиданно отвернулась, опустив глаза. Лицо ее скривилось так, словно поцелуй был ей неприятен. Даже про-

тивен. Сергей глупо и неуверенно посмотрел по сторонам, не понимая, что делать дальше. На его лице застыла неуместная растерянная улыбка. И только его эффектный, сшитый на заказ итальянский костюм хоть немного спасал незавидное положение жениха. Хотя со стороны Сергей вызывал почти всеобщее чувство жалости.

— Горько! — закричал Максим, обнимая Машу за хрупкое открытое плечо. Он высоко поднял бокал шампанского, потом выпил его залпом и стал грубо целовать Машу в губы.

— Счет! — на секунду оторвавшись от Машиных губ, выкрикнул он в толпу.

И все начали монотонно и безразлично считать: «Раз, два...»

На цифре «десять» он наконец-то остановился и хрипло бросил:

— А теперь пусть молодые! Серега, давай! Покажи нам!

Сергей смотрел по сторонам, по-прежнему не понимая, как себя вести. Он словно искал помощи. Но ее не было. Аня смотрела на него отрешенным холодным взглядом, не делая ровным счетом ничего такого, что предполагало бы поцелуй. Казалось, она просто застыла на месте и превратилась в статую. Сергей сделал шаг вперед, приобнял супругу и неуверенно прошептал:

— Давай, может? А?

Аня стояла неподвижно, как манекен или кукла. Ее лицо не выражало никаких эмоций.

— Целуй ее, Серега! А то другой утащит и зацелует! — засмеялся во весь голос Максим. А потом вдруг закашлялся, надрывно и продолжительно.

— Хватит паясничать! — не выдержала Маша. — Посмотри на себя — ты уже пьян! Все еще и не начинали пить, а ты готов!

Ей было жалко Сергея. Он казался ей беспомощной жертвой непонятных для нее обстоятельств.

— И, кстати, это же твой друг! А ты — его свидетель, между прочим!

— А что — я? — шепнул ей на ухо Максим. — Я ничего. Это же они целоваться не умеют...

— Стерва еще эта! Зачем над парнем издеваться? Тьфу...

Маша, свернув губы трубочкой, плюнула на землю. Потом вытащила платок и вытерла рот. Помада размазалась по ее лицу, оставляя красные разводы.

Максим повертел головой, словно кого-то искал в толпе. Посмотрел на Машу, коснулся ладонями ее напудренных щек и стал говорить с ней, словно с ребенком:

— Мышка ты моя! Любименькая...

Тут Макса шатнуло в сторону, и он, размахивая руками, еле успел зацепиться за Машу.

— Перестань, ты мне противен! Поехали домой уже.

— Нет, не хочу! Сегодня мой лучший друг женится! Правда, Серега?! — прокричал Максим громко и хрипло.

Все повернулись в его сторону.

— Чего, Макс?! — не понял Сергей. — Я тебя не слышал. Что?

— Лучший друг, говорю, женится! — повторил Макс.

— Ах... это да, — словно оправдываясь перед всеми, прокрипел Серега.

— Хватит! — сказала Маша так, что Максим понял: лучше остановиться.

Некоторое время все фотографировались на фоне загса с молодоженами, еще пили шампанское. А потом быстро расселись по такси и поехали в ресторан.

Гостей было немного, человек тридцать. На этом настояла Аня, объяснив тем, что ей не хочется устраивать шумиху. Хотя довольно состоятельные родители Сергея, бывшие партийные работники, планировали устроить для своего сына более торжественное и праздничное мероприятие, пригласив сотню-другую человек, начиная от родственников и друзей и заканчивая своими бывшими сослуживцами. Свадьба единственного сына была для семьи самым важным событием, наверное, за последние лет десять. Непонятным для них остался только его выбор.

Они знали, что Сергей встречается с Аней от силы месяца два или три. Домой он приводил ее только однажды. Да и в тот раз Аня больше молчала, словно полностью ушла в себя. Поэтому будущая свекровь так и не смогла по-человечески с ней

пообщаться. В общем, всё в этом браке было скоротечным и странным, не поддающимся никакой логике. Сын утверждал, что выбор свой сделал и тянуть больше не намерен, что знает Аню давно, а главное — любит. И как ни сопротивлялись родители, Сергей, который с детства был очень мягким и покладистым, в этом вопросе занял позицию жесткую и непреклонную.

— Сереженька, миленький, ну поживите месяц-другой, а потом расписывайтесь! Так же нельзя — раз, и все! — говорила мама. — Мы с твоим отцом друг друга знали лет пять, прежде чем решили в загс пойти!

— А чего ждать-то?! — удивлялся Сергей. — Мы друг друга любим, знаю я ее давно. В общем, нечего тут думать.

— Не лезь ты к нему! — вступался за Сергея отец. — Он у нас парень взрослый. Сам знает, что делает!

Втайне отец был доволен, что сын принял решение и твердо его отстаивает. Пожалуй, только это и радовало бывшего партийного работника, привыкшего к жесткости и определенности. Он давно уже разочаровался в сыне и считал, что тот всю жизнь будет под юбкой у матери и вообще никогда не женится. А тут такое, совсем неожиданное! Хотя, конечно, родители многого не знали...

Прошло тогда чуть больше месяца после возвращения из похода. В один из совершенно ничего не обещающих дней в квартире Сергея раздался телефонный звонок. Звонила Аня, обычно никогда первая не звонившая.

— Привет, ты можешь встретиться сегодня? — с ходу начала она строгим тоном.

— Могу. А где?

— Через час, на Тверской.

— Буду, — вяло ответил Сергей и положил трубку.

Они встретились на Тверской в одном из кафе, куда Сергей часто ездил ужинать с родителями. В зале почти никого не было, лишь парочка официантов шастала взад-вперед, расставляя тарелки на столы и раскладывая вилки с ножами.

Аня была одета эффектно. Красное облегающее платье, темные блестящие туфли, яркая янтарная брошь, свежий лак на

ногтях. Ее наряд подчеркивал, что к встрече она готовилась основательно.

Они сидели за столиком для двоих и неторопливо листали меню. Навязчивый официант маячил за их спинами.

— У меня к тебе серьезный разговор, Сергей! — начала Аня. — Ты готов?

— Смотри к чему... — мягко ответил тот.

— К разговору! К чему еще?

— Ну да! Конечно, готов, — уже более уверенно ответил Сергей, видя раздражение Ани.

Затем она улыбнулась кошачьей и вязкой улыбкой, будто планировала что-то попросить у Сергея, взяла его за руку и прошептала:

— Ты же любишь меня?

— Очень... — опустив глаза, проговорил он так, как если бы сообщал о какой-то тайне или секрете.

— И я тебя люблю, — продолжила Аня. — Мне хорошо с тобой. То есть нам вдвоем очень хорошо.

— Да... и мне, — все еще как бы оправдываясь, соглашался Сергей.

— Ну раз так, то нам надо быть вместе.

— Да, но мы и так вместе... — Он выдержал некоторую паузу и решил посмотреть Ане в глаза: они оказались пустыми и печальными. — Вроде бы...

Она сильно сжала его руку. От боли лицо его напряглось, а уголки губ приподнялись, словно он пытался улыбнуться.

— Я не про это! — возмутилась Аня.

— А про что? — все еще не понимал Сергей.

Аня явно злилась. На ее лбу проступили две чуть заметные морщины, а на шее запульсировала вена.

— Ты меня хочешь как женщину? — наотмашь спросила она.

— Да, конечно... — прошептал он и осмотрелся по сторонам, будто проверяя, не слушает ли их кто. — Очень хочу... ты же знаешь...

— Я тоже тебя хочу! Но нам и потрахать-то негде!

— А в общаге? Мы же там...

— В общаге... — передразнила она и повернулась к окну. За ним сидела большая черная ворона, внимательно наблюдавшая за происходящим. — В общаге — это не то! Не понимаешь?

— А ты чего меня вдруг сюда вытащила? Говори, что случилось?

Тон Сергея удивил Аню. Она не привыкла к тому, что он задает вопросы. В их союзе это было исключительно ее правом.

— В общем, я беременна! — Аня строго посмотрела в глаза Сергея и добавила: — Надеюсь, ты рад?!

Сергей же повел себя странно: сначала заерзал на стуле, будто сидел на чем-то мокром и липком и ему было неудобно, затем вытянулся в струнку, так, что его тонкая шея почти вся вылезла из ворота рубашки, потом несуразно улыбнулся и закатил глаза, сделав глубокий вдох.

— Так что?! — продолжала давить Аня.

— А когда? Мы же с тобой только пару раз и...

— И? Думаешь за пару раз нельзя ребенка сделать? Или ты уже испугался?

— Я — нет, что ты? Я рад! Просто для меня... Мы такие еще молодые...

— Не такие уж и молодые! Вполне себе третий курс!

Сергей опять несколько раз глубоко вздохнул и уставился на свои пальцы, длинные и худые. На его лице блуждала глубокая тоска. Будто жизнь его, и так казавшаяся ему адом, вдруг стала таковой на самом деле, и теперь этот ад будет с ним до конца жизни. Он окончательно сник.

— И что теперь? — спросил он Аню.

— А что теперь? Теперь нам надо пожениться!

Последние слова она произнесла твердо и уверенно. В них не было и тени сомнения. Словно мнение Сергея не имело никакого значения.

Сергей все так же отрешенно смотрел в стол и наконец сказал:

— Понятно... — после чего оживился, а в глазах его появился блеск. — А кто, мальчик или девочка?

Аня хихикнула, наклонилась к Сергею и потрепала его за щеку, как щенка.

— Ах, ну да... — понял несуразность своего вопроса Сергей. — Да и какая разница!

Через час Аня позвонила Максиму и сказала, что выходит замуж за Сергея.

— Ты что? Дура совсем? — опешил тот. — Разыгрываешь?

— Нет, Макс, это не шутка. Я беременна. А ты не хочешь ребенка! Ты не хочешь меня с ребенком!

— Ну так сделай аборт! Это же проще, чем замуж! — грубо ответил он.

— Это мне решать, а не тебе, что делать, а что нет!

— Не глупи! Сделай аборт!

— Аборт — это и есть глупость! Вот что я тебе скажу! — И Аня бросила трубку.

После этого они с Аней долго не общались. Пока однажды Сергей не позвонил ему и не предложил быть свидетелем на его с Аней свадьбе. Максим, немного поколебавшись, согласился...

Он понял, что уже сильно пьян. Максим смотрел на бокал вина, и тот расплывался перед ним. А это значило только одно: пить больше нельзя. Он посмотрел на Машу — та пыталась разрезать на тарелке баранье ребро-барбекю, но это ей не удавалось.

— А ты его так, руками! — пробормотал он и привстал со стула, но сразу же понял, что ноги словно ватные, мягкие и бессильные.

Надо было собраться и хотя бы умыться, иначе еще один бокал вина мог окончательно выбить его из колеи и погубить и без того уже испорченный вечер.

Маша посмотрела на мужа несчастным и грустным взглядом. Было видно: он ей неприятен. Даже противен.

— Я сейчас...

Собрав все силы, Максим вышел из-за стола и пошел через зал к выходу.

Наткнувшись на первого попавшегося официанта, он спросил, где туалет. Едва успел добежать до унитаза.

Его рвало, сильно и обильно. Ему казалось, еще чуть-чуть — и он выплюнет свой желудок. Но этого все же не случилось. Потом, поняв, что больше его не тошнит, он поднялся с колен и направился к раковине. Умывшись и пригладив ладонью волосы, Максим направился в сторону зала и тут случайно увидел Аню. Остановившись, он стал за ней наблюдать.

Она шла в сторону туалета. Уставшее бледное лицо Ани говорило о том, что мероприятие ее, мягко говоря, утомило.

Максим приоткрыл дверь женского туалета, заглянул внутрь и, убедившись, что там никого нет, спрятался в одной из кабинок.

Аня зашла в туалет, подошла к раковине, включила холодную воду, смочила руки и стала кончиками пальцев растирать себе щеки. Вид у нее был измученный: то ли она не выспалась, то ли уж слишком устала.

Макс приоткрыл дверцу кабинки и прошептал:

— Аня, сюда иди!

Аня вздрогнула, резко вытянулась и, повернувшись в сторону кабинок, увидела Макса.

— Ты что тут делаешь?! Совсем дурак, что ли?

— Сюда заходи!

— Ты сумасшедший! — не решалась она.

Максим сделал два шага вперед, схватил Аню за руку и затасил в кабинку, закрыв замок.

— Тихо только... — прошептал он. — А то услышат, и скандал будет.

— Чего тебе надо?! — холодно спросила Аня. — Ты зачем это устроил?

— Я люблю тебя! — вдруг сказал он неожиданно для себя самого. — Да, люблю! Очень...

— Макс, я беременна! Понимаешь? А ты не хочешь детей! У тебя карьера! Да и Машка эта!

Макс почувствовал, что ему снова становится плохо. Нет, не от услышанного, а всего лишь от выпивки. Его снова затошнило. Аня поняла.

— Тебе что, плохо? Блевать тянет?

Но приступ неожиданно отступил. Макс до боли ущипнул себя за руку, и сознание мгновенно прояснилось.

— А от кого ты беременна? От него?

— Не знаю. Откуда мне знать! Может, от тебя. Макс, мне страшно, — вдруг не выдержала она, обняла его и тихо заплакала. — Мне очень страшно, Макс. Обними меня. Покрепче!

Всем телом она прижалась к Максиму. Он чувствовал, как она дрожит. И что ей действительно страшно. Такой он ее еще никогда не видел — напуганной до смерти.

— Но свадьба зачем? Зачем все это? Я же тебя просил не совершать этой глупости.

— А что было делать? Ты с Машкой! Карьерой своей бредишь! Не оставаться же мне одной с ребенком.

— И что теперь? — уныло спросил он.

— Не знаю. Обними меня крепче.

Она стала искать губами его губы. Руки ее опускались все ниже. Максим ощущал стремительно нарастающее желание. В этот момент дверь туалета хлопнула: кто-то зашел.

— Тсс... — протянул Максим и поднес палец к губам.

Аня кивнула.

— Я пойду уже, как только она выйдет. Макс, я люблю тебя! Очень...

— Я тоже тебя люблю!

Оглавление

Глава 1. Защита	5
Глава 2. Аня	11
Глава 3. Родители	20
Глава 4. Свадьба	26
Глава 5. Выбор.	35
Глава 6. Квартира.	43
Глава 7. Директор.	50
Глава 8. Иностранцы	58
Глава 9. Сотрудница	67
Глава 10. Первая нефть	73
Глава 11. Победа!	81
Глава 12. Шашлык у родителей	86
Глава 13. Любовники.	92
Глава 14. Тяжелый разговор	99
Глава 15. Отец Андрей.	104
Глава 16. Исповедь	110
Глава 17. Суд.	114
Глава 18. Начальник	119
Глава 19. План.	124
Глава 20. Свидание.	129
Глава 21. Первые успехи.	136
Глава 22. Драка	141
Глава 23. Министр	144
Глава 24. Рубашка	148
Глава 25. Побег	161
Глава 26. Отец Тихон	165
Глава 27. Дочь	171
Глава 28. Инок.	175

Николай Валентинович Куценко

РУБАШКА

Литературно-художественное издание

Выпускающий редактор Е. Пучкова
Корректоры О. Наренкова, И. Лебедева
Компьютерная верстка В. Лунин

Подписано в печать 02.11.2017
Бумага офсетная №1. Формат 60х84/16
Объем 11,5 п. л. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion Pro». Тираж 1000 экз.
Заказ №

ООО «ИД „Флюид ФриФлай“»
109382, Москва, ул. Краснодонская, д. 20, к. 2
тел.: +7 (985) 8000 366
www.fluidfreefly.ru
e-mail: info@fluidfreefly.ru

18+